

Проблема духовности в современной культуре

В философском творчестве самобытного русского философа, публициста и литературного критика Н.Н. Страхова, которого В.В. Розанов назвал «Баратынским нашей философии», проблема духовности занимает одно из центральных мест. Еще в 60-70х годах XIX в., полемизируя с Д.И. Писаревым, и Н.Г. Чернышевским в своей дискуссии по поводу диссертации Г. Струве «Самостоятельное начало душевных явлений», Н.Н. Страхов критиковал автора за обращение к физиологии, подчеркивая, что вопрос о душе и духе – это вопрос не физиологии, а философии: физиологи никогда не занимались проблемами философскими. Физиология не должна заниматься вопросами о душе. В книге «О вечных истинах» Н.Н. Страхов говорит: «никакого выхода из рационализма не может существовать внутри самого рационализма». Этот вывод становится основой для его увлечения религиозным мистицизмом и воспеванием бессознательных моментов. В одном из писем Л.Н. Толстому он признается в отрицании того, что ум руководит историей, что она есть развитие идеи. Эти слова можно рассматривать уже как чистый историософский иррационализм. А в другом письме он пишет Л. Толстому, что вся жизнь происходит от бога. В нашем сознании создает себя то вечное духовное начало, в котором корень всякого бытия. Все от Бога исходит и к Богу ведет, и в Боге завершается.

Его представление о мироздании покоится на основополагающем принципе: «Мир есть связанное целое, – в нем нет ничего само по себе существующего». То есть, мир – это единое целое, в том смысле, что он связан во всех направлениях, в каких только может рассматривать наш ум. А раз мир есть целое, то в нем есть и центр, который осуществляет стяженность мира. Что объединяет этот мир? – Материя? А что такое материя? Прежде всего, это есть одно из понятий, составленных нашей душой. Отсюда следует, что неизвестно, существует ли сама материя, то что мы воображаем под этим понятием, но, что наверное существует душа, то что составляет материю. Он рассматривает душу как нечто непосредственно известное. Она не есть вещество уже потому, что в веществе всегда можно усомниться, признать его созданием воображения, а в душе усомниться невозможно. Материя есть один из вопросов души, а душа есть нечто, стоящее вне всякого вопроса и, напротив – производящее всякие вопросы. Выступая против вульгарного материализма, он отмечает, что назвать душу материей так же нелепо, как сказать, что вопрос существует без вопрошающего, или что тот, кто спрашивает – не существует, а существует только то, о чем еще спрашивается, то, что подлежит сомнению. Если мы думаем, размышляем, сомневаемся, то первое, что мы должны признать существующим, есть наша мысль – наше сознание» а никак не тот предмет, о котором мы еще только думаем, в существовании которого еще сомневаемся...несомненно следует, что душа не есть вещество.

Сказать, что мир есть единое целое – это значит, что он имеет единую сущность, он одухотворен, все части и явления мира составляют некую иерархию, и сущность их состоит в различных степенях воплощающегося духа. Все в мире взаимообусловлено и взаимозависимо настолько, что Вселенная может быть представлена как своеобразный организм. В ней нет ничего неизменного. Все в ней течет и превращается. Но при этом потоке ни одно явление не выпадает из всеобщей зависимости. Вселенная устроена гармонично. Целостность и гармоничность царит в ней – относится ли это к человеку, организму, созданию человеческого разума или мировоззрению в целом. Основу этой целостности и гармонии Н.Н. Страхов усматривает не в материальности мира, не в его вещественности, а в одушевленности его. Он доказывает, что мир души и мир вещества различаются тем, во-первых, что душа непосредственно достоверна и должна служить исходной точкой всякого познания; вещество же есть нечто понимаемое непосредственно, не имеющее прямой достоверности, а подлежащее сомнению, разбора составляющее предмет выводов и заключений.

Признание мира целостным единством, по мнению Н.Н. Страхова, имеет методологическое значение для частных наук, которые исследуют природу и человека. Центром мира у него является человек как узел мироздания, его величайшая заслуга и разгадка его. Действуя на человека, природа возбуждает и обнаруживает скрытую сущность его, – а человек постоянно ищет выхода из этого целого, стремится разорвать связи, соединяющие его с этим миром. Будучи живым центром Вселенной, человек как бы венчает природную иерархию. Только человек может раскрыть загадку мира при помощи своего разума. Но ключ к тайне мироздания лежит не в человеке, а за пределами мира, в Абсолюте. Однако при этом, гармония чувства, воли и разума заключена именно в человеке. А взаимосвязь граждан в государстве предстает в качестве органического целого живого организма, ибо государство не было только мертвой, сухой нормой, чтобы оно имело живую душу, чтобы его подданные соединились не одними узами законов, а были связаны мнениями и желаниями, родством физическим и нравственным.

Везде, будь то единство человека и природы, или взаимосвязь всех элементов мироздания, Н.Н. Страхов находит единую одухотворенную идею, которая связывает в единое целое все существующее во времени и в пространстве и что не дает распасться «связи времен».

Религиозный антропоцентризм помогает Н.Н. Страхову не допустить возможность растворить человека в природе. В его философских воззрениях мы находим мысль о том, что вне религиозного метафизического антропоцентризма загадку человека решить невозможно: без бога природа лишается смысла своей эволюции, а бытие человека, основанное на движениях его души, превращается в голую игру его воображения.

Н.Н. Страхов говорит, что если человек как вершина природы, узел бытия, не осознает свое центральное место в мире, свою связующую роль, то результатом его неудовлетворенной деятельности будут утопии о прекрасном будущем, идеализация прошлого «золотого века» или увлечения, типа спиритизма, уводящие от реальной действительности, в мир грез и мечтаний. По своей природе человек не сможет никогда смириться с тем, что он «винтик» в огромном и непостижимом для него механизме мироздания. Он – свободное и мыслящее существо, но он не может изменять законы мироздания, влиять на гармонию Вселенной. Люди не могут с этим смириться и «разжигают в себе чувство недовольства современным порядком мира, жизнью, нравами и свойствами людей, и тогда начинают верить в какое-то новое человечество, которое будет свободно от самых коренных свойств человеческой природы...» (6,с.Х).

Нравственность, политика, мир духовных ценностей человека Н.Н. Страхов связывает с онтологией. Идея материалистов о субстанциональном единстве мира, по его мнению, должна быть отвергнута в силу своей ложности, так как мир един не материальностью своей, а своими взаимосвязями, взаимопревращениями, то есть тем, в чем просматриваются признаки жизни, а не хаос бессвязных мертвых элементов, жизнь являет свою сущность только в отличии от смерти, косности, неподвижности. Самое яркое проявление жизни – человеческое сознание, а поэтому жизнь стремится породить сознание, тяготеет к его проявлению и развитию. То, что мы у себя называем жизнью, есть жизнь психическая (от жизни чувствительности – до высших душевных явлений). Поэтому цель органического мира есть достижение его одушевленности. Н.Н. Страхов отстаивает теорию органического жизненного единства, в основе которой лежит идея единства психических актов индивидов. Тем самым он оживотворяет мироздание и обнаруживает его устремленность к божественному началу. Бог есть то наше понятие, к которому мы нисходим – если только будем идти правильно, двигаться по законам ума. Если бы в взгляд на устройство и состав мира мы себе ни составили, но наша мысль неизбежно будет искать единой основы всего существующего, и это будет первое определение, первая черта понятия о боге.

Понимания природы, по мнению Н.Н. Страхова, можно достигнуть только через человека, ибо низшее объясняется высшим, а не наоборот. В человеке – сосредоточие природы. Поэтому природа объясняется, как совокупность различных видоизменений и сте-

пеней развития, направленного к этому средоточию. Человека же нельзя свести к природе. Он, напротив, начинает проявлять свою сущность именно там, где оканчивается его сходство с живой природой и начинается мир духовности. Человек имеет полное право противопоставить себя природе, потому что он может сделать такое противоположение, имеет силу и способность к нему.

Н.Н. Страхов в отличие от современных ему философов-идеалистов, поднял вопрос о том, «что такое дух не есть». Он постепенно, слой за слоем снимает с человеческого сознания пласты, которые закрывают его сущность, ведь кто себя стремится так резко отличить от остального бытия? – Конечно, дух. Кто снимает с себя оболочку за оболочкой, кто устанавливает и отрицает от себя понятия механики и физики, кто проносится по всем небесам и не находит себе подобия в их однообразном мертвом механизме? – Конечно, дух. Иногда мы готовы жаловаться, что перед нами и взором науки все мертвеет, всюду являются неизменные стихии и неизменные законы. Но ведь все это есть прямая работа духа, и смысл ее в том, что он не хочет признавать живым то, что не заслуживает этого названия, что он истинную жизнь признает только за собой. Познание есть, в известном смысле, отрицание, понимание, удаление от себя того, что познается. Н.Н. Страхов создает картину мироздания как стройного единства, управляемого определенными закономерностями, которые способен постичь только человеческий разум. Так, Н.Н. Страхов создает совершенно оригинальное философское воззрение, где сплетается объективный идеализм и религиозная антропология. Он не отрицал реальности вещества, объективности пространства и времени как формы существования материи, но одновременно с этим признавал высшей реальностью духовное начало бытия. Его философская позиция заключается в разграничении сферы материи и духа, но в то же время он объединяет их понятием мир как целое. Однако, Н.Н. Страхов отвергает и мысль Гегеля о том, что природа является инобытием абсолютного духа. Тем самым, он отрицал право идеи, мысли, духа вмешиваться в закономерный природный процесс, в жизнедеятельность человека. Он как бы пытался ограничивать роль разума с целью сохранения самого человеческого бытия и породившей его природу. При этом он вовсе не превращал мысль в ненужное или бессильное проявление миропорядка, утверждая что мысль имеет-таки силу, но только действительная, настоящая мысль. Существуют границы для мысли, пределы для ее возможного вмешательства в дела человека. Философия не должна перестраивать жизнь и мир на свой манер или выворачивать его наизнанку, веруя в авторитет «вечных истин», которые могут превращаться для исследователя в пропасть, разновидность «слепого тумана». Если же искания искренны, добры и светлы, если тяга к идеалам выстрадана, то они обязательно увенчаются успехом. Ученый должен «знать, чего не делать» – это глубокая гуманистическая идея, оберегающая свободу мысли.

Доказывая самоценность и суверенность жизни как таковой. Страхов понимал, что над индивидом господствуют страсти, идеи. Стремясь овладеть истиной, человек склонен, подменять поиск истины обращением к авторитету, попадая в плен мертвых дефиниций. Поэтому определить путь познания – это значит сделать свой нравственный выбор, найти свои жизненные позиции. Мысль о духовном кризисе современного ему поколения постоянно волнует философа. Люди, у которых идеал оскудел, ищут прекрасного образа мыслей и чувств и страдают среди этого искания, постепенно утрачивают притяжение к жизни, обнаруживают бессмысленность своей жизни, пустоту своего существования. Все идет врозь, каждый сосредоточен на своем особом деле, не примыкая ни к какому общему делу – вот в чем причина духовного кризиса. Вернуть людям веру в жизнь и смысл своего существования можно только обратив их внимание, заставить их осознать тот факт, что они – органическая, неотъемлемая часть природы, мира, и от них зависит благополучие всей Вселенной. Нет теоретически непогрешимых рецептов, как строить свою жизнь. Она, как оказывается, совсем не то, что мысль. Жизнь не дает собой распоряжаться. И ни один народ, ни одна эпоха не могут быть судимы с высоты другого времени, но постараться вовремя предупредить людей о сути их жизненного выбора необходимо.

Н.Н. Страхов уверен в том, что органический мир в своем развитии устремлен к рождению психического мира. Предустановленная гармония проявляется, прежде всего, в том, что природа с самого начала своего существования стремится «просветлить» себя в мышлении. Поэтому человек, являясь высшей ступенью в развитии животного мира, одновременно представляет собой новое качество – появление сознания, являющимся причиной творческого начала мира. По мнению Страхова, материя и дух – различные субстанции, не связанные друг с другом, не сводимые друг к другу и выделенные друг из друга. Но объединяющее их начало заложено не в одной из них, а вне мира, «в высочайшем существе». Поэтому человеческий разум – это проявление воли данного существа. Именно он устремляет человеческий разум к единству материи к духу.

Человек, по мнению Страхова, живет не истинами, а идеями. Общепринятые представления значительно важнее для людей, чем истина. Истина определяется реальностями, которые лежат за ее пределами: нравственностью, политикой, религией и т.п. Поэтому мир ума и науки становится в зависимость от мира страстей и амбиций. Миром правят не взвешенные суждения, а страсти, идеи, овладевшие людьми. В этом Страхов видит одну из причин увлечения спиритизмом.

Можно сделать вывод, что философии Н.Н. Страхова свойственно стремление к достижению золотой середины между материализмом и идеализмом. В решении проблема духовности он придерживается теории «предустановленной гармонии» между реальным и духовным миром. Веруя в существование божественного абсолюта, рассмотрение этой идеи он оставляет за пределами своих философских размышлений. Н.Н. Страхова нельзя безоговорочно причислить к какой-то одной философской системе, к определенному мировоззренческому «лагерю». В этом уникальность его философской позиции, так же как и в форме доказательств своих идей и взглядов. Поэтому философское наследие Н.Н. Страхова еще будет по достоинству оценено, ибо заслуги его перед лицом русской философии и культуры несомненны.

Литература

Страхов Н. Мир как целое. Черты из науки о природе. – СПб., 1872.